

письма, был вызван возникшим у него недовольством порядками в Кирилловом монастыре. Нил говорит о своем «изшествии из монастыря»: «... точию непользы ради душевная, а не за иное что, занеже не видя ныне хранима жительства закон божиих, по святых писаниих и преданию святых отецъ, но по своих волях и умышленных человеческихх».⁴⁷

Когда же произошло это «изшествие» Нила из Кирилло-Белозерского монастыря? Дата его ухода, как и дата основания им Сорской обители, не сохранилась в биографических заметках; предложенная А. Муравьевым и не основанная ни на каких источниках датировка основания Сорской пустыни 1450 г. представляется нам совершенно неубедительной.⁴⁸ Документальные источники позволяют определить *terminus post quem* ухода Нила из Кирилло-Белозерского монастыря: среди «старцев Кириллова монастыря» Нила называет «отводная грамота» 1448—1460 гг.⁴⁹ и меновная грамота 1471—1475 гг.⁵⁰ Если мы учтем, что уход Нила из монастыря носил достаточно резкий характер и сопровождался даже какой-то «бранью» с оставшимися «старцами», то станет очевидным, что в роли официального представителя монастыря Нил мог выступать только до своего «изшествия». «Отводная грамота» 1482 г. как будто позволяет еще несколько отодвинуть дату основания Сорской обители: несмотря на то что граница отвода (межевания монастырской земли) проходила как раз у самой территории Сорской пустыни, эта пустынь не названа здесь ни внутри, ни вне владений Кириллова монастыря; можно предполагать поэтому, что в 1482 г. ее еще не существовало.⁵¹ Итак, уход Нила, его «странствие» и основание самостоятельной «кельи» следует относить, по нашему мнению, не ранее, чем к 70—80-м годам XV в.

В истории Кирилло-Белозерского монастыря 70—80-е годы были временем острой и напряженной внутренней борьбы. Основанный в последние годы XIV в., Кириллов монастырь ни в какой из периодов своего существования не был «нестязательным» монастырем: большие земельные приобретения были сделаны еще при самом Кирилле;⁵² преемники его усердно продолжали приобретательскую деятельность основателя. К последней четверти XV в. монастырская вотчина представляла собой значительную территорию (в состав ее входила 51 деревня); естественно, что вопрос о верховном сюзерене этой вотчины имел немалое значение.

В конце 70—начале 80-х годов Кириллов монастырь стал центром сложных политических интриг: в 1478 г. игумен монастыря Нифонт, поддержанный удельным князем Михаилом Андреевичем (а затем митрополитом Геронтием), выступил против ростовского архиепископа (кото-

⁴⁷ Кир.-Бел. 101/1178, л. 218 (в других списках: «точию же пользы ради душевная»).

⁴⁸ А. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855 (схема в конце книги). Работа А. Муравьева не имела научного характера, и автор не давал ссылок на источники. В книге его множество фактических ошибок: собор, на котором Нил выступил против монастырского землевладения, он относит к 1508 г. и выступление Нила приписывает влиянию Максима Грека (приехавшего в Россию в 1518 г.) и т. д. По-видимому, Муравьев опирался на источник, подобный сказанию в сборнике ГПБ, Ф.1.260 (см. выше, стр. 188, прим. 39): из него он заимствовал утверждение, что Нил «прочевастал... немного спустя после св. Кирилла Белозерского», и именно поэтому датировал основание Сорской пустыни столь ранним временем (в действительности Нилу, умершему в 1508 г., едва ли было в 1450 г. более 20 лет).

⁴⁹ РИБ, т. II, № 25, стр. 289—290.

⁵⁰ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II. М., 1900, стр. 105.

⁵¹ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II, стр. 88—89.

⁵² Ср.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 16—48, 87—96.